

— Мама сказала, что его похороны состоятся завтра, вместе со всеми остальными, кто, как мы знаем на данный момент, погиб при исполнении служебных обязанностей. С обеих сторон погибло так много людей... по оценкам аналитиков, тела погибших, возможно, будут находить среди обломков даже спустя неделю или две. В первую очередь мы хотим вернуть тела наших товарищей, помимо других важных дел, таких как обеспечение безопасности деревни и спасение раненых. Мы, генины, скорее всего, будем призваны помогать убирать беспорядок с завтрашнего дня, в то время как все чуунины и джонины будут заниматься более важными делами. У нас действительно нет времени на отдых и скорбь. Все, что мы можем сделать сейчас, это продолжать двигаться вперед, потому что никто не знает, что произойдет дальше... еще одна мировая война может внезапно разразиться, если мы не будем осторожны.

— Война. — вздохнул я, задумчиво глядя в потолок. — Всегда так было: одна война за другой

— Разве мы не знаем все это?

— Интересно, сколько человек выйдут из нее живыми?

— Выйдут живым? Если подумать, эта камера предназначена только для действительно опасных шиноби. Вот почему она никогда не использовалась, ведь раньше не было таких людей, чтобы бросать их сюда. — Сакура снова подняла голову и посмотрела на меня, ее глаза все еще были влажными. — Почему ты действительно здесь? Что случилось?"

— И ты спрашиваешь меня об этом после того, как предложила голыми руками вытащить человека, запертого в камере. — ответил я с невозмутимым видом. — А затем продолжила вести с ним удивительно вежливый разговор.

— Не надо нахальства, Хаку. Я сделала тебе это предложение, потому что знаю тебя и доверяю тебе. Что на самом деле произошло?

— Чтобы спасти Ханаби, я освободил Ниби в Конохе.

— ЧТО?!

— Никто с нашей стороны не погиб из-за этого, но Цунаде была в ярости. Я же говорил, что поступил безрассудно.

— Как освобождение Ниби...

— Ханаби умирала, даже когда твой отец пытался отсрочить это. Ее раны были настолько серьезными. Я превратил Ханаби в джинчуурики, чтобы спасти ее.

Сакура замолчала. Будучи дочерью Йондайме, она должна была знать, кто такие джинчуурики и что это значит.

— Если... если меня когда-нибудь казнят за мои действия, ты можешь помочь мне позаботиться о Ханаби? Я не знаю, кто еще спустится ко мне и увижу ли я еще кого-нибудь после этого, поэтому я могу просить об этом только тебя. Я знаю, что брат и сестра Ханаби и моя команда позаботятся о ней, но...

— Я поговорю об этом с мамой. Она знает, что делать. — Сакура покачала головой в раздражении, отчаянии или чем-то еще. Я не знаю ее достаточно хорошо, чтобы выявить все ее эмоции. — Я не знаю почему Цунаде-сан бросила тебя сюда после того, что ты сделал, хотя я также могу понять, почему она это сделала. Ты не плох в душе, Хаку. Если бы ты был таким, ты бы не пытался спасти меня и мою команду от Орочимару в Лесу Смерти. Я попробую помочь. Ты сказал, что Ханаби теперь джинчуурики Ниби? Если тебя казнят, Ханаби напустит на нас свой кошачий режим. Не думаю, что кто-то здравомыслящий захочет этого. Не волнуйся, к черту законы деревни. Я не думаю, что тебя казнят. Накажут? Возможно. Казнят? Не думаю.

— То, что я сделал, было сродни предательству, Сакура. Это не так просто. Я поставил под угрозу безопасность всей деревни, чтобы спасти Ханаби, и самое ужасное, что я не жалею об этом. Даже сейчас я не жалею об этом. Я буду делать то же самое снова и снова, если это будет означать ее спасение. Ничто, кроме смертного приговора, не поможет мне выйти из этой камеры, потому что я никогда не думал о благополучии деревни. Я только что нарушил самый священный закон Конохи, и законное наказание - смерть. От этого меня не спасти.

— Твой крестный отец теперь Хокаге. Отец сделал его Хокаге Годайме перед своей смертью. Это твой билет отсюда.

Что? Мой крестный отец теперь Хокаге? Я только что усложнил его новую работу. Черт.

Как я могу позволить ему заставить себя вынести мне смертный приговор? Это будет слишком жестоко по отношению к нему.

Сакура встала на ноги, отряхивая с себя пыль.

— Изначально я пришла сюда, чтобы просто снова все выплакать или, может быть, пробить стену или две, но... спасибо. За этот разговор, я имею в виду. Думаю, мне нужно было услышать, что кто-то другой думает о моем отце, чтобы заверить меня, что то, что он сделал для спасения деревни, было не напрасно. Что он действительно великий Хокаге. — Сакура улыбнулась, и тусклый свет в камере немного осветил ее лицо. — Я знаю, что мы не так уж близки, хотя мы и восстановили нашу дружбу после... того инцидента в лесу, но я все еще считаю тебя своим другом. И... если уж на то пошло, прости. За все, что мы с папой причинили тебе, сознательно или нет, осознанно или нет. И, чего бы это ни стоило, спасибо. За то, что ты сказал мне сегодня. Это было то, что мне нужно было услышать.

— Я не знаю, есть ли что-то, о чем я должен сожалеть. — признался я. — Но, как я уже говорил

тебе раньше, и я скажу это снова, столько раз, сколько тебе нужно услышать. Я благодарен за то, что твой отец сделал для Ханаби. Если она умрет, я сойду с ума. Она та, ради кого я сожгу весь мир.

— Ты используешь лед.

— Это фигура речи.

— Иногда я думаю, что Ханаби очень повезло, что рядом с ней есть такой человек, как ты.

— Я думаю, все как раз наоборот. Если бы не она, я бы не знал, ради чего жить. Она сохранила мне рассудок в этом безумном мире своим собственным раздражающим способом. После смерти родителей я встретил ее, и долгое время она была моей единственной привязанностью к этому миру. Она важна для меня. Поэтому я сделаю для нее все.

Но достаточно ли этого, чтобы защитить ее? Могу ли я защитить ее и всех, кто мне дорог?

Я не знаю.

— Вы оба уже должны просто пожениться друг на друге. Я уверена, что я не единственная, у кого начинает скручивать живот, когда мы видим, как вы оба флиртуете друг с другом.

— Ты говоришь это сейчас. Когда ты влюбишься в какого-нибудь высокого, темноволосого эмо и начнешь сходить по нему с ума, дразнить буду я.

— Ты имеешь в виду Саске? Не очень интересно. — Сакура пренебрежительно махнула рукой.
— И ты только что признался, что любишь Ханаби? Вау, Хаку, если бы только у меня было чем записать этот разговор... это было бы бесценным сокровищем.

— Люблю? — я насмешливо хмыкнул. — Не думаю, что я когда-либо понимал, что такое любовь, и не уверен, что пойму. Я сломленный человек, Сакура. Ханаби важна для меня, я знаю это. Но любовь? Я действительно не знаю. Я даже не знаю, почему она так привязалась ко мне после стольких лет. Я просто знаю, что она важна для меня, и я должен защитить ее. Вот и все.

Край рта Сакуры заметно подергивался даже в этом тусклом свете.

— Неудивительно, что Ханаби называла тебя идиотом всякий раз, когда говорила о тебе.

Я нахмурился и посмотрел на нее.

— Что?

— В этом-то и проблема. Что? Используй свою умную голову и разберись с этим. Я знаю, что ты не глуп.

Сакура повернулась, чтобы уйти, но остановилась на полпути прямо перед выходом из камеры.

— Что-нибудь еще я могу сделать для тебя, прежде чем найду маму, вернусь домой, сломаюсь и разрыдаюсь до слез?

— Все в порядке. Спасибо, Сакура.

Первая часть - ложь, но последняя часть была правдой.

Ничто не в порядке.

Не тогда, когда мир такой.

Сломанный.

—————

<http://tl.rulate.ru/book/62135/1747334>